

ББК 63.3(4Вел.)4-75

В. А. Евсеев

МАТЕРИАЛЬНЫЙ БЫТ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВА ПО «КЕНТЕРБЕРИЙСКИМ РАССКАЗАМ» ДЖ. ЧОСЕРА

Статья посвящена описанию материальных сторон быта жителей английских средневековых городов в изображении Дж. Чосера в его «Кентерберийских рассказах». Автор показывает жилище горожанина, его внутренний вид, домашнюю утварь. Более подробно Дж. Чосер описывает пищу и одежду состоятельных слоев городского населения Англии.

Ключевые слова: материальный быт, английские горожане, Дж. Чосер.

The article is devoted to the description of material aspects mode of life of mediaeval English townsmen in the «Canterbury Tales» of Geoffrey Chaucer. The author showed the dwelling of the townsman, it's inside of the home, domestic utensils. Geoffrey Chaucer more detail described food and clothes of the well-to-do English townsmen

Key words: material aspectsmode of life, English townsmen, Geoffrey Chaucer.

Проблема быта привлекала внимание различных исследователей в отечественной и зарубежной историографии еще с конца XIX в. [2, 5, 12, 13]. Следует отметить, что на рубеже XX—XXI вв. возрос интерес к этой теме среди отечественных исследователей [1, 6—11, 16, 20]. В ряде работ зарубежных историков затрагивались вопросы быта средневековой Англии. Среди них в первую очередь следует отметить труды Ф. Броделя и Дж. Тревельяна, которые в своих исследованиях касались материальной стороны бытовых условий жизни [2, 18].

Очень интересным при изучении данной проблемы является книга Дж. Тревельяна «Социальная история Англии». Она была написана им ещё в 1939 г., но из-за начавшейся войны была опубликована на родине автора лишь в 1944 г. Англии времен Чосера посвящены две первые главы этого труда. Автор подробно рассматривает различные аспекты жизни средневекового английского общества, много внимания уделяя бытовым деталям. Дж. Тревельян, описывая внешний облик городов во второй главе, подробно останавливается на архитектуре церковных и гражданских построек, их внутреннего устройства. Несомненно, эти разделы в книге Дж. Тревельяна представляют для нас большой интерес.

Кроме трудов о повседневной жизни в эпоху средневековья имеется и огромный пласт литературы о выдающемся английском средневековом поэте Джеффри Чосере. Для исследования нашей проблематики наиболее полезными оказались работы Ю. М. Сапрыкина [17] и Дж. Гарднера [4]. Ю. М. Сапрыкин в первой главе своей книги исследует этические и политические взгляды Чосера. Этические представления автора «Кентерберийских рассказов» несомненно, отразились и на его литературных героях. Это позволит нам более правильно оценить поступки, поведение и этику жителей средневековых английских городов. Книга Дж. Гарднера представляет собой документальную биографию Джеффри Чосера на фоне политических событий

средневековой Европы, где была втянута Англия. Автор также показывает этические, религиозные и философские воззрения поэта. Дж. Гарднер, как и многие другие отечественные и зарубежные исследователи, отмечает влияние на творчество Чосера гуманистических идей итальянской литературы того времени [4, с. 271]. Тем более, что Чосер дважды посетил Италию в 1373—1374 и 1378 годах. Он имел возможность наблюдать новые явления в ее городской жизни, приведшие к появлению гуманистических идей. Ю. М. Сапрыкин пишет, что итальянская литература того времени произвела на него большое впечатление, и он использовал во многих своих произведениях мысли и сюжеты из творчества Данте, Боккаччо и Пертраки [17, с. 17].

Конечно, литературные произведения Джеффри Чосера изучались с разных сторон. Предметом нашего исследования будет рассмотрение материальных условий быта английских горожан по его «Кентерберийским рассказам». Понятие быт слишком обширно. Поэтому следует конкретизировать наши задачи. В первую очередь обратим внимание на те элементы материальной культуры, с которыми непосредственно связана жизнь человека — это пища, одежда, жилище, домашняя утварь, украшения.

Произведения художественной литературы имеют большую информационную ценность по истории повседневной жизни. Их значение для историка быта и нравов основано на том, что описывающий современную ему эпоху литератор не может использовать свое право на вымысел, не рискуя стать посмешищем в глазах современников [1, с. 13].

При источниковедческой оценке произведений художественной литературы учитывалось мировоззрение их авторов, временной разрыв между событием и годом его описания литератором, художественное направление и стиль [там же]. М. Т. Петров в своей статье приводит достаточно большой список работ по поводу проблемы источниковедческого значения художественной литературы. Однако оно далее отмечает, что художественная литература любого исторического периода является зеркалом своей эпохи, искусство — пускай специфически, — но отражает жизненные реалии [15, с. 148—149]. Близкое отношение произведений с действительностью позволяют историку получить великолепный материал, отражающий нравы, быт и обычаи, социальную психологию и культурные нормы различных классов и сословий этого времени [15, с. 160].

Одним из интереснейших литературных памятников эпохи Средневековья является произведение английского поэта Джеффри Чосера «Кентерберийские рассказы» [19].

Джеффри Чосер — «отец английской поэзии» — жил в XIV веке, когда родина его была очень далека от Возрождения Италии, которое в Англии заставило себя ждать еще чуть ли не два столетия. Вплоть до Спенсера и Марло в английской поэзии не было ничего не только равного, но просто соизмеримого с «Кентерберийскими рассказами» Чосера. Отражая свой век, книга эта по ряду признаков все же не укладывается в рамки своего времени. Можно сказать, что Чосер, живя в середине XIV века, предвосхитил реализм английского Возрождения, а свои «Кентерберийские рассказы» писал для всех веков [14, с. 5].

Трудно определить жанр этой книги как пишет ее переводчик. Если рассматривать в отдельности рассказы, из которых она складывается, то она может показаться энциклопедией литературных жанров средневековья. Однако суть и основа книги — это ее реализм. Она включает портреты людей,

их оценку, их взгляды на искусство, их поведение — словом, живую картину жизни [14, с. 11].

Книга состоит из общего пролога, свыше двух десятков рассказов и такого же числа связующих интермедий. Пролог занимает немногим больше восьмисот строк, но в нем, как в увертюре, намечены все основные мотивы книги, и все ее семнадцать с лишком тысяч стихов служат для раскрытия и развития характерных образов, намеченных в прологе [14, с. 12]. Именно по общему прологу можно составить точное представление о том, как одевались, что пили и ели, чем интересовались и чем жили англичане XIV века. Чосер безошибочно отбирает самые характерные предметы обихода, в которых закреплены вкусы, привычки и повадки владельца. Поэтому рассказы его героев обладают во многих случаях фактографической точностью. В прологе же мы находим очень подробное описание внешнего вида студента, который шёл вместе со всеми в Кентербери:

«Прервав над логикой усердный труд,
Студент оксфордский с нами рядом плелся.
Едва ль беднее нищий бы нашелся:
Не конь под ним, а щипаная галка,
И самого студента было жалко —
Такой он был обтрепанный, убогий,
Худой, измученный плохой дорогой» [19, с. 36].

Через поведение и поступки Чосер дорисовывает облик человека. Так в рассказе мельника перед нами предстаёт студент Оксфордского университета, его занятия, учеба, внешний вид, обстановка комнаты, которую он снимал у плотника.

Чосер был современником Столетней войны (1337—1453), чумы (1348—го и следующих годов), а также крестьянское восстание 1381 года. Однако не был летописцем, как его современник Ж. Фруассар, но тем не менее по «Кентерберийским рассказам» историки изучают эту эпоху

Следует отметить, что в рассказах, Чосер нигде прямо не обнаруживает своего отношения к историческим событиям. Но по отношению к людям можно определить и его собственную позицию. И. А. Кашкин, в частности, отмечает, что Чосера трогает в лучших людях прошлого их светлая вера и умиленность, их нравственная твердость и чистота. Он идеализирует бескорыстие и простую сердечность рыцаря и клерка, пахаря и бедного священника. Он хочет сохранить этих людей для настоящего такими, какими он хотел бы их видеть [14, с. 20].

Оценивая рассказы Чосера, следует отметить, что это, в первую очередь, литературное произведение, в котором автор имеет право на субъективный взгляд на описываемые события, выделение тех сторон жизни, которые интересны именно ему. Тем не менее, не смотря на субъективизм такого вида источников, как литературные произведения, рассказы Чосера передают дух эпохи, особенности социальных слоёв средневекового английского общества.

Картина, нарисованная Чосером, охватывает все стороны жизни Англии XIV века. «Кентерберийские рассказы» могут служить ценным источником для изучения повседневной жизни населения страны. Из описаний автора, рассказов его персонажей мы узнаем, как жили, что пили и ели представители различных социальных групп; узнаем об их взглядах на мир,

судьбу и предопределение; получаем возможность взглянуть на личную жизнь средневекового человека.

Основная канва «Кентерберийских рассказов» очень проста. Три десятка паломников, собравшись вместе, отправляются в Кентербери на поклонение мощам святого Фомы Бекета. Фактически автор представил почти все социальные слои английского общества той эпохи и бегло обрисовал в прологе их общий облик. Чосер в дальнейшем предоставляет каждому из них действовать и рассказывать по-своему. Не повезло среди героев Чосера только крестьянам, которые составляли в эпоху Средневековья большинство населения страны. Упомянутый им в прологе йомен относился к верхушке крестьянского общества, но даже он не имел своего собственного рассказа. Это вполне объяснимо, ибо сам Чосер выходец из верхушки городского общества и всю жизнь проживал в городе. Поэтому низшие категории крестьянства были вне сферы его внимания, хотя он и много путешествовал. Чосер лучше знал город и горожан. Из 22 его героев — рассказчиков почти треть (7 человек) можно отнести к различным слоям городского общества. Столько же рассказчиков было и среди священнослужителей. Среди них многие проживали в городе. Именно поэтому городская жизнь оказалась в центре внимания Чосера.

Средневековый город лишь отдаленно напоминал современный. Количество жителей в них было невелико. Особенно это касается английских городов, которые значительно уступали по численности жителей своим континентальным собратьям. Городом могло считаться рыночное местечко с населением в 1000 человек. Поэтому города имели много общих черт с деревней. Средневековый город, независимо от своих размеров и масштабов не порывал с аграрным производством и не утрачивал связи с деревней. Несомненно, деревенский облик ярче выражен у небольших городов. Зажиточные горожане имели земельные наделы, иногда в городе, иногда за его пределами. Держали скот: коров, лошадей, овец. Многие ремесленники были связаны с сельским хозяйством. Об этом, в частности, говорят завещания горожан, которые изобилуют перечислениями скота, сельскохозяйственных орудий, реже — земельными владениями. В качестве типичного примера может служить завещание Томаса Хартфорта из Нэресборо, который завещает своим сыновьям: «...Ричарду, Джону, Томасу и Леонардо по корове и телке каждому, четырех меринских овец; Агнес Малом завещаю одну корову, одну телку, одну овцу и одного ягненка; племяннику Роберту Хартфорту — одну овцу, одного ягненка и каждому из его детей — по ягненку, детям сына Леонардо — по ягненку; дочери Элисон — два барашка и два борова» [21, p. 54].

Земельные держания в завещаниях встречаются значительно реже. Если по завещанию передается несколько акров земли, то практически не указывается, где и какого качества эта земля. Но если завещатель владел обширными земельными угодьями, то он подробно описывал в завещании, где и сколько земли находится. Уильям Паркер в своем завещании сообщает: «Две усадьбы и 18 акров земли в деревушке Фелликслив следует разделить на четыре феода и отдать Милли Стаб, Роберту Рипли, Ричарду Лэмбу и Уильяму Хардисту...» [21, p. 48].

Упоминание различных видов домашних животных мы можем встретить почти на каждой странице «Кентерберийских рассказов». Это в первую очередь домашняя птица, которая упоминается чаще всего, а также лошади, крупный и мелкий рогатый скот.

Обращаясь к внешнему облику средневекового города, Чосер в первую очередь описывает жилища горожан. При сооружении жилища, прежде всего, заботились о том, как избежать любопытных взоров. Дом и окружающий его сад обносили высоким забором или каменной оградой. Окна закрывались плотными ставнями, украшенными резьбой:

«И, добредя до плотникова дома,
Прильнул к ее окошечку резному» [19, с. 126].

Архитектура и размеры домов были различные зависимости от достатка владельца. Из рассказа Мельника о Душке Николасе и незадачливом плотнике мы можем представить себе дом следующего типа: двухэтажный, с многочисленными хозяйственными пристройками. Гостиная и спальня хозяев, кладовые, амбар, сарай занимали первый этаж. Их жилец располагался в небольшой комнатке под крышей:

«И приказал мальчишке: —
Иди, пострел, к светлице, там на вышке,
Кричи, стучи, хоть камнем, хоть ногою,
Тогда жилец, наверное, откроет» [19, с. 119].

В рассказе мажордома мы видим более скромное жилище, которое состояло из одной жилой комнаты и нескольких хозяйственных построек:

«В своей каморке постелил постели,
Где дочь спала и где у колыбели
Он сам с женой в одной кровати спал,
И вправду дом его был очень мал,
Чуланами наполовину занят,
И всякому теперь понятно станет,
Что иначе он не мог двоих гостей
Он уложить на мельнице своей» [19, с. 142].

Как видно из этого описания, хозяева жили только в одной комнате, а остальную площадь дома занимали подсобные помещения.

Мебели в доме было немного. Она была громоздкой, тяжеловесной, чаще всего из дуба, как и основная застройка дома. Кроме упомянутых выше кроватей были столы, скамьи, полки. Например, у Душки Николаса: «Он полки поместил у изголовья» [19, с. 112], а его «Комод был красным полотном покрыт» [19, с. 113]. При описании Чосером комнаты этого героя (Душки Николаса) мы можем отметить еще одну важную деталь — на полу лежали тростниковые подстилки или разбрасывали траву:

«И горница, сияя чистотою,
Пропахла вся душистою травою» [19, с. 112].

У Чосера нет подробного описания какого-либо жилища. Исключение составляет горница Душки Николаса, оксфордского школяра. Система колледжей в Оксфорде и Кембридже получила значительное развитие к концу XIV в. [11]. Однако некоторые студенты, дети состоятельных родителей, продолжали снимать комнаты у горожан. Как это было в случае с Душкой Николасом. В его комнате нет ничего лишнего. В ней находятся только необходимые предметы. Из мебели упоминаются, как мы уже отметили, кровать, комод, покрытый красным полотном. На полках у изголовья «...расставленные им с любовью стояли книги древних мудрецов»

[19, с. 113]. Там же располагались «необходимые для работы, астролябия и счеты ... и лютня ... в чехле на гвоздике висела» [19, с. 113].

Если мебель Чосер все-таки упоминает, хотя и редко, то предметы домашнего обихода почти совсем исчезли из его поля зрения. Однако мы можем найти их документальное отражение в завещаниях и инвентариях горожан. Например, к завещанию очень зажиточного горожанина из Рипли приложена следующая опись имущества: «В спальне — 1 перина, 1 валик под подушку, 1 пара простыней, 1 пара шерстяных одеял, 3 покрывала (20 шиллингов); 3 узорчатых комплекта постельного белья, 4 узорчатых салфетки, 4 пары льняных простыней (32 шиллинга 4 пенса), 4 пары бумажных простыней (20 шиллингов). В жилой комнате — 1 матрас, 1 пара простыней, 2 покрывала, 1 валик под подушку (6 шиллингов); 1 матрас, 3 покрывала, 1 шерстяное одеяло (6 шиллингов 8 пенсов). В гардеробе — 1 платье из дамаста (53 шиллинга 4 пенса); одна вельветовая женская шляпка с золотым краем, 3 головных убора из вельвета (33 шиллинга 4 пенса). В сундуках — 11 пар простыней (40 шиллингов); 6 узорчатых салфеток, 6 комплектов постельного белья (10 шиллингов); 4 ярда льняной ткани (2 шиллинга); 6 ярдов ткани (6 шиллингов); 16 ярдов ткани, стоимостью каждый ярд — 3 шиллинга 4 пенса. В кухне — 79 предметов оловянной посуды (40 шиллингов); 2 вертела (28 пенсов); 2 кочерги, 1 сковорода, 1 большой факел, 1 металлический канделябр (6 шиллингов); 6 медных горшков (13 шиллингов 8 пенсов); 2 котла и 2 сковороды (8 шиллингов 4 пенса)» [21, р. 46]. Можно предположить, что подобный набор домашней утвари был в домах богатых горожан в эпоху Чосера.

Освещение в доме было скудным. Оконные проемы были узкими и едва пропускали свет. Поэтому в комнатах всегда царил полумрак. В XIV в. стекло было еще достаточно дорогим товаром и застекленные окна встречались лишь в домах состоятельных горожан. Как, например, это было в доме оксфордского плотника: «прильнул к ее окошечку резному» [19, с. 126]. В домах рядовых горожан окна затягивались пергаментом или промасленной тканью. Света не хватало. Его давал очаг, лампы, свечи. Но только горожане с достатком могли позволить себе использовать свечи. Поэтому чаще употребляли масляные лампы или факелы. От таких светильников в комнатах стоял смрад, вещи покрывались налетом копоти.

Теснота в доме, тяжелый воздух в комнатах, близость расположенных друг к другу домов в городах, проблема канализации служили причинами быстрого распространения различных эпидемических заболеваний, например, чумы, источника возникновения и средств борьбы с которой тогда еще не знали.

Среди личных предметов, которых можно некоторым образом отнести к домашнему обиходу, Чосер упоминает различные музыкальные инструменты. Это арфа у Кармелита из общего пролога [19, с. 36], лютня у Душки Николаса [19, с. 113], гитара у причетника Авессалома [19, с. 116].

Итак, мы рассмотрели жилище средневекового горожанина, его внутреннее устройство, мебель и домашнюю утварь, находившееся в нем. Теперь перейдем к другой не менее важной стороне быта и вообще существования человека — его питанию. Рассмотрим какие продукты описывает Чосер. Упоминает он их достаточно часто и в каждом рассказе его героев мы можем найти разные блюда английской кухни той эпохи.

Основными продуктами питания были хлеб, сыр и эль. Те яства, которые с удовольствием описывает Чосер: устрицы, лебедь с кислой подливкой

[19, с. 34], цыплята, гуси, куры, каплуны, были доступны не многим. Не каждый мог позволить себе, подобно Франклину:

«Всегда его столы для всех накрыты.
А повара и вина знамениты.
Жара ль стоит, иль намело сугробы
Он стол держал для всех погод особый
Был у него в пруду садок отличный
И много каплунов и кур на птичье
И горе повару, коль соус пресен» [19, с. 38].

Представленные в рассказах Чосера горожане — купцы, ремесленники и даже духовенство не отличались умеренностью в пище. Исключение составляют лишь Приходской священник, Врач и Студент из общего пролога, сознательно избегавших порока обжорства. Представители ремесленных гильдий в путешествие взяли с собой Повара:

«Чтоб он цыплят варил им, беф-буйи,
И запекал их в соусе румяном
С корицей пудинги иль с майораном» [19, с. 39].

Далее, Чосер, перечисляя достоинства Повара, дает нам сведения об уровне кулинарного искусства средних веков:

«Умел варить, тушить он, жарить, печь;
Умел огонь, как следует разжечь;
Похлебку он на славу заправлял;
Эль лондонский тотчас же узнавал» [19, с. 39].

Кроме мясных и первых блюд были и продукты для десерта. Вот какой набор посылал молодой причетник Авессалом жене оксфордского плотника:

«Он посылал ей пряное вино,
Чтоб кровь ей будоражило оно,
И пряники, и вафли, и конфеты» [19, с. 117].

Таким образом, мы можем констатировать и наличие кондитерских изделий на столе у горожан. И все же, несмотря на обилие, названных Чосером яств, средневековый рацион был беден питательными веществами. Пища употреблялась жирная. Ее обильно запивали вином, элем. Поэтому неслучайно, некоторые персонажи «Кентерберийских рассказов» отличаются тучностью, подобно Монаху из Общего пролога:

«Зеркальным шаром лоснилась тонзура
Свисали щеки и его фигура
Вся оплыла; проворные глаза
Запухли, и текла из них слеза.
Вокруг его раскормленного тела
Испарина, что облако висела» [19, с. 34].

Если судить по обеду в трактире «Табарда», каждый из паломников имел столовый прибор, что нечасто случалось. Обычно соседи ели из одной миски. Мясо подавалось на стол разрезанным на куски, так как употребление вилок в повседневном обиходе вошло в Англии в середине XVII века. Ели с помощью ножа и руками, при употреблении жидких блюд, пользовались ложками. Как например, аббатиса:

«Она держалась чинно за столом,
 Не поперхнетя крепкою наливкой.
 Чуть окуная пальчики в подливку,
 Не оботрет их об рукав иль ворот,
 Ни пятнышка вокруг ее прибора» [19, с. 32].

После обеда обычно подавался таз и полотенца для умывания. Но, случилось, что этим пренебрегали, Чосер, стремясь подчеркнуть хорошие манеры Аббатисы, ее аккуратность, показывает ее за столом, а через несколько страниц, в противовес ей, рисует перед читателями малопривлекательный образ Пристава церковного суда:

«А с бороды его косматой гривы
 Ни ртуль, ни щелок, ни сера
 Не выжгли бы налета грязи серой,
 Не смыли бы чесночную отрыжку
 И не свели бы из подноса шишку» [19, с. 46].

Персонажи рассказов Чосера не отличаются чистоплотностью. О банях не упоминается. Горожане, представленные в «Кентерберийских рассказах» в лучшем случае умываются. Как это делала жена оксфордского плотника:

«Она до блеска шею оттирала
 И в церковь шла, сияя словно день,» [19, с. 115].

Однако следует оговориться, что подобное отношение к чистоте собственного тела среди героев Чосера более характерно для женщин и молодых мужчин. Известный нам школяр Душка Николас:

«Следил прилежно за своей особой.
 Душился крепко и благоухал,
 Как с корнем валерьяновым фиал» [19, с. 115].

Подобные модные инновации встречали возмущение современников Чосера, но, по всей видимости, не самого автора.

В отличии от домашней утвари, которая не была предметом особого внимания автора «Кентерберийских рассказов», внешний вид и костюмы его героев описаны достаточно подробно. Чосер перечисляет не только одежду, но и прически, головной убор, обувь, различные дополнения к одежде: сумки пояса, оружие, украшения.

Прически были самыми различными. Мужчины, особенно молодые, носили длинные завитые локоны, ниспадавшие на щеки и даже на плечи. Как, например, портрет продавца индulgенций:

«Льняных кудрей безжизненные пряди
 Ложились плоско на плечи. А сзади
 Косичками казались, капюшон
 Из щегольства давно припрятал он
 И ехал то совсем простоволосый,
 То шапкой плешь прикрыв, развевая косы
 По новой моде встречным напоказ.» [19, с. 47].

Другой вид мужских причесок — коротко, до ушей . подстриженные волосы, с челкой на лбу как, например, у мажордома:

«Он щеки брил, а волосы кругом
 Лежали скобкою, был лоб подстрижен,
 Как у священника, лишь чуть пониже.» [19, с. 44].

Молодые мужчины и священнослужители гладко брили лицо. Люди постарше отпускали бороду, как например, Купец, Шкипер и Пристав церковного суда из общего пролога «Кентерберийских рассказов» [19, с. 36, 40, 45].

Женщины заплетали косы. Наиболее яркий пример такой прически Чосер дает при описании молодой жены оксфордского плотника:

«Коса черна, что ворон на оgrade.
Завязка чепчика того же цвета;
И лента шелковая в нем продета,
На лбу придерживала волоса;
Волной кудрявою вилась коса.» [19, с. 113—114].

Голову замужние женщины прикрывали платками. Как это делала Батская ткачиха:

«Платков на голову могла навесить,
К обедне снаряжаясь сразу десять.
И все из шелка иль из полотна;» [19, с. 41].

Эта же героиня (Батская ткачиха) носила и шляпы, которые моли быть очень разнообразные по форме:

«Большая шляпа, формой, что корзина,
Была парадна, как и весь наряд.» [19, с. 41].

Другой вид головных уборов горожанок — чепчики, украшенные лентами, с завязками под подбородком [19, с. 114].

Мужчины тоже носили шляпы из разных материалов. Как, например, купец из общего пролога: «Носил он шляпу фландрского бобра» [19, с. 36].

Одежда средневековых горожан в Западной Европе, судя по скульптурным и живописным изображениям, в разных странах была сравнительно однотипной. Произошедшие в XIV в. крупные перемены в костюме были связаны с развитием сукноделия и отделкой тканей, совершенствованием мастерства портных. Умение кроить ткани устранило зависимость от ширины ткацкого станка. Совершенствовалась техника шитья. Одежда стала гораздо разнообразнее.

Платье человека Средневековья не только защищало его от погодных явлений, служило украшением, но по нему можно было определить место его владельца в социальной иерархии. Ещё в XIII в. появились законы против роскоши, которые ограничивали формы и материалы, из которых шилась одежда. К этому времени зажиточные горожане, особенно, купцы стали соперничать с феодалами — привилегированным сословием — в показе своих богатств. Это и вызвало такие ограничительные меры. В этих законах говорилось о рангах в одежде, предписывались ограничения в качестве и цвете тканей, формы костюма для различных социальных слоев. Горожане, в отличие от дворян не имели права носить шелковые одежды, а их жены удлиненные шлейфы. Цвета одежды для них предназначались более темных тонов. Но эти законы постепенно нарушались. Например, Врач в общем прологе:

«Носил малиновый и синий цвет,
И шелковый был плащ на нем надет.» [19, с. 41].

Подобные сюжеты мы можем найти при описании одежды и других категорий состоятельных горожан:

«Купец с ним ехал, подбоченясь фертом,
Напялив много пестрого добра.
Носил он шапку фландрского бобра
И сапоги с наборным ремешком» [19, с. 36].

То же можно сказать и о ремесленниках, которые шли в одежде пышной цехового братства, носили костюмы из добротного сукна, ножи в серебряной оправе [19, с. 38]. Хотя законы против роскоши предписывали людям низшего звания носить одежду лишь из грубого сукна. Еще один важный момент описывает Чосер, что почти все паломники были вооружены. У ремесленников из общего пролога ножи были в серебряной оправе [19, с. 38], а у шкипера на шнулке под мышкою кинжал [19, с. 39]. Все это говорит о небезопасности путешествия даже для паломников во времена Чосера. Поэтому и отправлялись целой группой, чтобы обезопасить себя от нападений. Так обычно и делали купеческие караваны, нанимая себе охрану.

Богатые горожане старались не отставать от дворян для показа своего материального состояния. Представляя нам жен ремесленников, Чосер не случайно упоминает их стремление и в одежде подчеркнуть свою обеспеченность:

«И жены помогали в том мужьям,
Чтоб только величали их «мадам»,
Давали б в церкви место повидней
И разрешали б шлейф носить длинней.» [19, с. 39].

В рассказе Мельника есть подробное описание костюма Алисон, жены плотника, дающее нам возможность представить повседневное платье женщин из среды зажиточных горожан:

«На ней был пояс, вышитый шелками,
И фартук стан ей облегал волнами
Как кипень белыми. А безрукавка
В узорах пестрых. На сорочке вставки
Нарядные и спереди и сзади» [19, с. 113].

В качестве украшения Алисон носила огромную брошку [19, с. 114].

Мужчины и женщины и носили плащи, застегивающиеся на груди пряжкой:

«Был лучшей белкой плащ его подбит,
Богато вышит и отлично сшит.
Застежку он подобно франтам,
Украсил золотым «любовным бантом». [19, с. 34, 114].

Как мы видим у Эконома (лица духовного звания) застежка была в качестве украшения.

Иногда с трудом улавливается разница в костюмах светских и духовных лиц. При описании Кармелита, Чосер указывал еще на один элемент костюмы средневекового человека — капюшон, который пришивали к кафтану или плащу, а иногда носили отдельно. Капюшон Кармелита заменял ему сумку:

«Он в капюшоне для своих подружек
Хранил булавок пачки, ниток, кружев.» [19, с. 35].

Дополнением к одежде были пояса, опускавшиеся по моде XIV в. ниже талии. На них и мужчины, и женщины носили сумки, кошель, украшенные у богатых горожан вышивкой и драгоценными камнями [19, с. 38].

На общем фоне роскоши и расточительства выделяется «запачканный дорожной глиной, кафтан просторный грубой парусины» [19, с. 39] шкипера. Его профессия вынуждала думать не о красоте, а прежде всего об удобстве одежды.

Внешний облик оксфордского студента тоже далек от роскоши. В изображении Чосера он вызывает только сочувствие и жалость:

«Студент оксфордский с нами рядом плелся.
Едва ль беднее нищий бы нашелся:
Не конь под ним, а щипаная галка,
И самого студента было жалко —
Такой он был обтрепанный, убогий,
Худой, измученный плохой дорогой.» [19, с. 36].

Конечно, студенты в реальности одевались так, как им позволяли их финансовые возможности, т. е. помощь от родителей, родственников или их собственная предприимчивость. Пример тому Душка Николас, который тоже был оксфордским школяром:

«Так проводил
Школяр тот время и беспечно жил,
Когда же денег из дому не слали,
Провизией друзья его снабжали.» [19, с. 113].

Следует заметить, что студенческий быт затронут Чосером достаточно кратко. Документы по истории колледжей Оксфорда и Кембриджа дают более детальные сведения по быту средневекового студента [11].

Итак, мы теперь можем подвести некоторые итоги описания материальных сторон быта английских горожан в «Кентерберийских рассказах» Чосера. Конечно, его взгляд на бытовые сюжеты очень интересны и нередко дают такие свидетельства, которые мы не найдем в других письменных источниках, например в завещаниях или инвентариях. Это касается, в первую очередь, описания одежды, которая изображается в «Кентерберийских рассказах» очень выпукло и ярко:

«У пояса, украшенного кругом
Шелками и точеным янтарем,
Висела сумка...» [19, с. 113].

Такого описания документальные источники фактически не дают. Таким образом, внешний вид жителей английских городов мы можем хорошо себе представить, прочитав «Кентерберийские рассказы» Чосера. Такое внимание автора к внешнему описанию его героев вполне понятно, ибо через этот прием он показывает и их психологический портрет. Достаточно подробно даны и пищевые пристрастия англичан той эпохи. Фактически перечислены почти все основные продукты питания. Однако основной упор у Чосера сделан на блюдах из птицы и мяса. Использование мяса птицы вполне объяснимо, ибо был наиболее дешевый и практичный мясной продукт. Поэтому он чаще всего упоминается в «Кентерберийских рассказах». Относительно жилища, внутреннего интерьера и домашней утвари описания Чосера достаточно краткие. Сведения о внешнем виде жилища и материале, из которого он

построен, даны очень скупо. Иногда есть информация о количестве комнат, но больше Чосер упоминает о хозяйственных постройках (чуланах, конюшнях и т. п.). Наконец, можно сделать ещё один вывод. Материальные сюжеты быта «Кентерберийских рассказов» в основном дают описания зажиточных слоев городского населения Англии той эпохи — купцы, цеховые ремесленники, городская интеллигенция, представители церковного причта. Именно они и являются его основными героями.

Библиографический список

1. Биск И. Я. История повседневной жизни в Веймарской республике. Иваново, 1990. 155 с.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. М., 1986. Т. 1. 622 с.
3. Булгакова Е. Из жизни средневекового ремесленника. М., 1902. 122 с.
4. Гарднер Дж. Жизнь и время Чосера. М., 1986. 448 с.
5. Готтерот Ф. История внешней культуры. Одежда, домашняя утварь, полевые и военные орудия древних и новых времен. СПб., 1911. Т. 1. 224 с.; Т. 2. 240 с.
6. Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. 359 с.
7. Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989. 368 с.
8. Даркевич В. П. Народная культура средневековья. М., 1988. 344 с.
9. Евсеев В. А. Повседневная жизнь английских горожан в Тюдоровскую эпоху [рабочий день и досуг на примере Ковентри и Лондона] // Человек XVI столетия. М., 2000. С. 212—220.
10. Евсеев В. А. Досуг английских горожан в Тюдоровскую эпоху // Англия и Европа: проблемы истории и историографии. Арзамас, 2001. С. 226—233.
11. Евсеев В. А. Некоторые аспекты регулирования частной жизни студентов Оксфорда и Кембриджа в XIV—XV вв. // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. Вып. 4. С. 5—13.
12. Иванов К. А. Средневековый город и его обитатели. СПб., 1895. 125 с.
13. Иванов К. А. Средневековый монастырь и его обитатели. СПб., 1902. 193 с.
14. Кашкин И. А. Предисловие // Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. М., 1988. С. 5—25.
15. Петров М. Т. Итальянская новелла эпохи Возрождения как исторический источник // Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья. Л., 1979. С. 148—170.
16. Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989. 304 с.
17. Сапрыкин Ю. М. От Чосера до Шекспира: этические и политические идеи в Англии. М., 1985. 192 с.
18. Тревельян Дж. Социальная история Англии. М., 1959. 607 с.
19. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. М., 1988. 556 с.
20. Ястребицкая А. Л. Западная Европа XI—XIII вв.: эпоха, быт, костюм. М., 1978. 176 с.
21. Wills and administrations from the Knaresborough court rolls. Durham, 1902. Vol. I. 400 p.